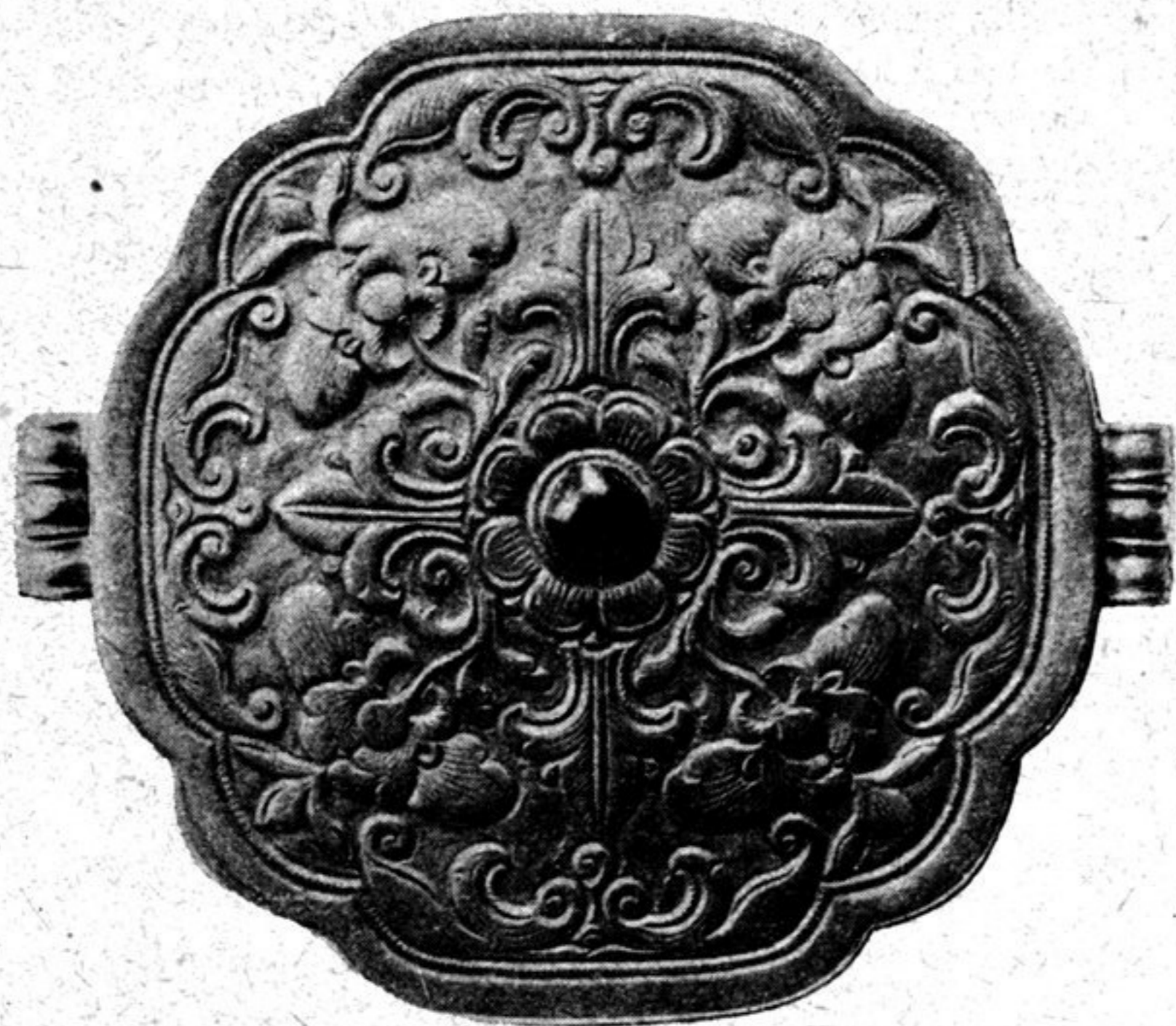

лоэшаньских гор; весь северо-западный скат Лоэ-шаня был убран древесной растительностью, и только местами из густых зарослей выступали отдельные дикие скалы; по гребню гор, на недостижимой высоте, картинно раскинулся целый ряд легких китайских пагод... Наше прохладное, затененное крутыми склонами, ущелье стремилось к востоку. Мы

Н'голок'ское га-у.

немного мерзли, но зато животные по холодку шли бодрее и успешнее. В воздухе не смолкали голоса мелких птиц; там и сям табунками кормились фазаны (*Phasianus decollatus strauchii*), блестя на солнце своим красивым оперением. Каменные голуби большими стаями толпились по скалам вблизи селений. Вверху, на фоне прозрачного голубого неба то и дело проносились грифы и гордый красавец — орел-беркут.

У перевала, наш раз'езд повстречался с нарядной молодой парой — тангутом-ламою и его спутницей — весьма симпатичной девушкой; мы остановились на несколько минут и познакомились. Молодые люди совершали паломничество в один из ближайших буддийских монастырей.

Меня заинтересовало оригинальное «га-у», вывезенное ламою из н'голокской земли¹⁾; к сожалению, тангут неохотно шел на торговую сделку, да и денег при себе, т. е. в кармане, у меня было слишком мало: из-за своей громоздкости ямбовое или плиточное серебро всегда следовало в особом вьюке. Чтобы не упустить интересный образчик га-у, пришлось отдать за него одну — две личных вещицы, которые, в свою очередь, нравились нашим знакомым. Рисунок н'голок'ского га-у приложен к этой стр.

¹⁾ О н'голоках см. мою «Монголия и Камь». Том I, часть вторая, стр. 326—331.